

«Утверждаю»
проректор по научной работе
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского»
доктор физ.-мат. наук В.Б. Казанцев

ОТЗЫВ ВЕДУЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ

о диссертации Шуруповой Ольги Сергеевны «Концептосфера городских сверхтекстов русской литературы (лингвокультурологический аспект)» (Липецк, 2017), представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык

Для современных стратегий научного поиска в науке о языке характерна ярко выраженная ориентация на междисциплинарный подход, предполагающий взаимосвязь языка и культуры через призму антропоцентризма. Естественной средой для такого объединения является текст как неотъемлемый элемент культуры (Ю.М. Лотман), а точнее говоря — совокупность текстов, обладающая тематическим, концептуальным, модальным, стилистическим единством, которую принято именовать «архитекст», или «сверхтекст». Лингвокультурологическое обоснование сверхтекстового единства является сегодня одним из самых востребованных трендов в новейшей гуманитаристике.

Именно это определяет несомненную **актуальность** предпринятого О.С. Шуруповой диссертационного исследования, которая заключается в научной и общекультурной значимости разработки проблемы связи языка и культуры, предполагающей системное исследование явления городского сверхтекста русской художественной литературы.

Особое внимание автора к культурной обусловленности языка и стиля русского «городского сверхтекста» обуславливает и **научную новизну** проведенного диссертантом исследования, которая также связана с нетривиальным и ценным в научном отношении использованием идеи о мифотектонической парадигме текстов, с введением в научный оборот и аргументированным обоснованием новых научных понятий: *мифотектонической парадигмы, сверхтекстовой картины мира, монокодового и поликодового городского сверхтекста* — и с конкретным анализом основных городских сверхтекстов русской художественной литературы: Петербургского, Московского, Киевского, Ташкентского, Провинциального, Венецианского.

Теоретическая значимость работы безусловна и определяется разработкой исследовательской модели анализа концептуального содержания городского сверхтекста русской литературы и алгоритма лингвокультурологического

исследования языкового воплощения городского сверхтекста художественной литературы, а также дополненными принципами существующей классификацией городских сверхтекстов. Также О.С. Шурупова в своем исследовании обосновывает новый раздел интегративной науки о языке современного типа — а именно «лингвистику сверхтекста».

Несомненна и **практическая значимость** диссертационного исследования, которая заключается в том, что его результаты могут быть использованы при разработке вузовских курсов языкознания, стилистики, лингвистического и филологического анализа текста, курсов с культурологической направленностью, спецкурсов и спецсеминаров по лингвокультурологии, а также в процессе изучения произведений ряда русских писателей и поэтов, входящих в школьную программу по литературе. Результаты исследования городских сверхтекстов русской художественной литературы могут быть использованы также в лексикографической практике, при составлении не существовавших до сих пор словарей изученных в данной работе сверхтекстов, например «Словаря Петербургского текста русской литературы», «Словаря Московского текста русской литературы».

Структура диссертации отражает логику решения поставленных задач в рамках заявленной цели — «анализ лингвокультурных особенностей концептосферы городских сверхтекстов русской художественной литературы» (с. 5): последовательное теоретическое изучение проблемы сверхтекста в лингвокультурологическом освещении (глава I), обоснование нового интегративного раздела науки о языке — «лингвистики сверхтекста» (глава II), описание концептосферы столичных сверхтекстов русской художественной литературы — Петербургского, Московского, Киевского (глава III) и нестоличных городских сверхтекстов (глава IV).

Библиографический список включает 380 наименований. Объем диссертационного исследования, не считая Приложений, составил 498 с. Общий объем — 511 с.

Особый научный интерес представляют Приложения. Так, в Приложение 1 вынесена графическая схема примененного О.С. Шуруповой алгоритма лингвокультурологического анализа городского сверхтекста художественной литературы, в Приложении 2 приводится удобная классификация городских сверхтекстов по разным основаниям (в табличной форме), Приложение 3 включает в себя список источников, формирующих каждый из городских сверхтекстов в отдельности, а в Приложении 4 отражены графические схемы концептосфер описываемых в работе городских сверхтекстов.

Первая глава «Проблема сверхтекста в лингвокультурологическом освещении» (сс. 14-75) рассматривает вопросы общетеоретического характера, связанные с взаимоотношениями языка и культуры, с определением научного понятия «сверхтекст» и с обоснованием именно лингвокультурологического подхода к изучению сверхтекстов. В этой главе особо ценным в научном плане представляется авторское обоснование концепции сверхтекста как элемента национальной культуры в литературном процессе. Под *сверхтекстом* автор диссертационного исследования понимает «систему текстов, которые созданы

различными авторами и общность которых основана не столько на замысле их создателей, сколько на существовании единого культурного кода, обнаруживающего сходство с мифом, присутствующим в сознании большинства носителей языка и культуры и так или иначе проявляющимся в их текстах» (с. 34).

На основании проведенного анализа теории и истории вопроса автор приходит к убедительному выводу: «В центре внимания исследователя могут быть концепты различных видов: этноспецифические, регулятивные, абстрактные, предметные и т.д. Следует учитывать, что, являясь динамичным смысловым образованием, концепт может актуализировать в различных ситуациях разные признаки, связанные с мировоззренческими, культурно-историческими, культурно-языковыми, индивидуально-смысловыми оттенками, привносимыми в концепт в соответствующей лингвокультуре, поэтому в рамках того или иного сверхтекста могут быть реализованы признаки концепта, которые оцениваются как необычные с точки зрения русской языковой картины мира в целом» (сс. 74-75).

Значительной теоретической ценностью обладает и **вторая глава исследования «Лингвистика сверхтекста как новая дисциплина в отечественном языкознании»** (сс. 76-130). О.С. Шурупова рассматривает объем и содержание научного понятия «текстовая картина мира», что позволяет ей перейти к обоснованию ключевого научного концепта рецензируемого исследования — «сверхтекстовая картина мира». Конкретизация понятия «сверхтекстовая картина мира» применительно к понятию «городской сверхтекст» позволяет автору сфокусироваться именно на образе города в художественной литературе через призму лингвокультурологического подхода. Все это позволяет убедительно аргументировать предлагаемый О.С. Шуруповой в третьем параграфе данной главы *алгоритм лингвокультурологического анализа городского сверхтекста* художественной литературы, который выступает как несомненный методологический центр, ключевое теоретическое понятие данного диссертационного исследования (сс. 99-127).

Предложенный алгоритм включает в себя два этапа. На I этапе осуществляется реконструкция городского сверхтекста художественной литературы, предполагающая определение круга текстов — составляющих сверхтекста, выявление сходных культурных маркеров сверхтекста, которые появляются во всех его составляющих и реализуют общие культурные смыслы, описание особенностей мифотектоники сверхтекста — основных мифологем, лежащих в основе городского сверхтекста. На II этапе осуществляется непосредственно анализ лингвокультурных особенностей концептосферы городского сверхтекста художественной литературы — особенностей языковой репрезентации его ключевых концептов, специфики их индивидуальной трактовки тем или иным автором, изучение сверхтекстовой картины мира как интегрирующий этап исследования.

В третьей главе исследования «Концептосфера столичных сверхтекстов русской художественной литературы» (сс. 131-289) последовательно описаны концептосферы Петербургского сверхтекста как центрального городского сверхтекста русской художественной литературы (сс. 131-180), Московского (сс. 180-231) и Киевского сверхтекстов (сс. 231-285).

В первом параграфе данной главы О.С. Шурупова справедливо отмечает, что применительно к Петербургскому сверхтексту в роли ключевых выступают следующие концепты *Петербург; природа; культура; вода; камень; осень; зима; весна; лето; дом; лестница; улица; Медный Всадник; церковь; кабак; свет / тьма; белые ночи; сон / явь; бес; маскарад; чиновник; проститутка; молодой человек; сумасшедший; самоубийца; старуха; ростовщик* и пр., представленные в таблице на сс. 144-145. Определенную научную ценность содержит положение, акцентирующее внимание на «гетерогенности концептосферы Петербургского текста», которая строится по принципу бинарной оппозиции: «Все выделенные нами оппозиции концептов, значимых для большинства городских текстов (*природа-культура* (и ее свойственный Петербургскому тексту вариант *вода-камень*), *свет-тьма*, *сон-явь*, *тоска-радость*, *жизнь-смерть*), получают языковую репрезентацию и интерпретацию в пределах Петербургского текста русской литературы» (с. 146), причем реализуются как положительные, так и негативные признаки концептов. Таким образом, полностью обоснованным предстает вывод, сделанный на с. 179: «Концептосферу поликодового Петербургского текста можно представить в виде круга, центральное место в котором занимает ядерный концепт *Петербург*, к которому примыкают образующие бинарные оппозиции околядерные концепты *природа, культура, вода, камень, свет, тьма, сон, явь, тоска, радость, жизнь, смерть, страдалец, злодей*, в свою очередь связанные с периферийными концептами, каждый из которых реализует в сверхтексте разнообразные признаки».

Второй параграф, освещающий специфику Московского сверхтекста, содержит такие ключевые концепты, как *Москва; природа; культура; дождь; снег; осень / зима / весна / лето; дерево; птица; дом; улица; метро; церковь; кабак; чай; свет; радость; счастье; смерть; жизнь; молодой человек; дева; мать; старуха; колокол* и пр., представленные на сс. 195-196. О.С. Шурупова на значительном текстовом материале убедительно доказывает, что главным отличием Московского текста от большинства других городских сверхтекстов является особое место суперконцепта *женщина*: это, по мнению автора, связано с тем, что Москва, согласно типологии В.Н. Топорова, предстает в объединенных ее образам текстах как «благодатный город-дева» (с. 216). Интересным в научном плане представляется и указание О.С. Шуруповой на то, что «в данном городском сверхтексте реализуются основные представления о Москве как Третьем Риме, городе-Фениксе, Доме Пресвятой Богородицы, граде Китеже, с одной стороны, и бесовском городе и Втором Вавилоне, с другой» (с. 230). При этом в большинстве случаев проявляются светлые представления русского народа о Москве, воплощается «приятие Москвы как целостного, гармоничного пространства, в котором возможна счастливая жизнь и для которого важность представляют традиционные ценности русской культуры» (с. 230).

Третий параграф главы посвящен менее изученному в отечественной гуманитаристике Киевскому сверхтексту. Об этом свидетельствуют и ключевые концепты, формирующие его концептосферу и приведенные в таблице на сс. 242-243: *Киев; природа; культура; гора; пещера; Днепр; каштан; дом; улица; базар; Киево-Печерская лавра; церковь; свет; тьма; радость; тоска; смерть*;

сон; жизнь; вечность; суета; ребенок; школа; ведьма; колокол; шум и пр. О.С. Шурупова справедливо отмечает, что в результате анализа основных особенностей концептосферы Киевского текста русской литературы, можно сделать вывод, что практически каждый концепт, значимый для ее организации, реализует в сверхтексте двойной набор признаков. Так, Киев предстает как город-рай («потерянный рай», о котором с любовью или горечью вспоминает человек, но иногда герой того или иного текста заново открывает для себя это прекрасное место) и как город-ад, подвластный воле ведьм. Кроме того, с одной стороны, Киев в восприятии, характерном для данного сверхтекста, является благодатным, сакральным городом на горах, с другой – высокая, «горная» часть города противопоставляется низменному, суетливому и грешному Подолу (с. 285). Поэтому оправданным представляется вывод о том, что концептосферу Киевского текста можно изобразить в виде круга, в центре которого находится ядерный концепт *Киев*, который также реализует в пределах сверхтекста противоположные наборы признаков, представ в сверхтекстовой картине мира и как город-мужчина, старец, и как город-женщина (характерны сравнения Киева с бабушкой, попадшей, невестой и т.д.), как сакральное и бесовское место одновременно» (с. 286).

Существенным достоинством анализируемой третьей главы в целом являются подробно разработанные и в удобной форме представленные концептограммы Петербурга, Москвы и Киева именно как сверхтекстов русской литературы.

В главе четвертой «Концептосфера нестоличных городских сверхтекстов русской художественной литературы» предлагается аргументированное обоснование проблемы существования единого Провинциального текста русской художественной литературы (сс. 290-346), а также подробно анализируется концептосфера Ташкентского текста (сс. 346-381) и сверхтекстов отечественной художественной литературы, связанных с европейскими городами (сс. 381-423).

Наибольший научный интерес в этом плане представляет, конечно же, обсуждение проблемы «единого Провинциального текста русской художественной литературы», которая, разумеется, не может иметь однозначного решения. Автор приводит, на наш взгляд, достаточно убедительные теоретические аргументы в пользу этого существования, в частности, наличие в отечественной культуре самого устойчивого представления — концепта *провинциальный город*, который получает, наряду с различными топонимами (Арзамас, Нижний и т.д.), языковое воплощение в словах *город*, *городок*, а также в ряде вымышленных названий (с. 293). О.С. Шурупова приходит к оправданному заключению, что ключевыми концептами Провинциального сверхтекста отечественной литературы ожидаемо являются *покой*, *тоска* и *смерть*, обнаруживающие в его пределах тесную связь (с. 306).

Во втором параграфе главы отдельного детального описания удостоился Ташкентский сверхтекст русской литературы, для которого, по мнению автора диссертационного исследования, характерен набор таких ключевых концептов, как *весна*, *базар*, *глина*, *вода*, *жизнь* и пр.; кроме того, важно и то, что «в сверх-

тексте, объединенном образом этого города, получает реализацию мифологема «город-рай». Ташкент – город жизни, вечной «жизни, которой не будет конца» (с. 368).

В третьем параграфе дается обобщенный анализ сверткестов европейских городов, представленных в русской литературе. В ряд этих сверткестов ожидаемо попадают Венецианский текст, Флорентийский текст, Лондонский текст и пр. Здесь также сделано немало ценных наблюдений, например, на с. 388-389: «В смысловой организации Венецианского текста русской литературы важное значение приобретает и такая мифологема, как «город-дева». Имя собственное *Венеция* в русском языке женского рода, и город, предстающий в сверткесте, явно имеет женскую природу».

В заключении представлены основные выводы и перспективы дальнейшего исследования. В частности, не вызывает сомнения важный в научном отношении вывод автора о возможности построения различных классификаций городских сверткестов, например, деление образов городов на концентрические, живущие в рамках освященной временем традиции (Москва, Киев), и эксцентрические, созданные вопреки всему традиционному (Петербург); города-девы, основанные по благословию свыше (Иерусалим, Москва, Киев), и города-блудницы, проклятые, грешные и обреченные на гибель (Вавилон, Петербург); для когнитивной и языковой русской картины мира также важны образы города-мужчины (Петербург) и города-женщины (Москва) (сс. 430-431).

В целом отметим, что, несмотря на то, что проблема лингвокультурологической интерпретации городского текста имеет большую научную традицию, О.С. Шурупова находит перспективный подход к решению данного вопроса с позиции «лингвистики сверткеста», что и обуславливает научную и практическую ценность диссертационного исследования.

Широкий круг текстового материала описывается многоаспектно, с учетом достижений лингвопоэтики, лингвокогнитивистики, лингвокультурологии, с привлечением данных и других различных человековедческих дисциплин (литературоведение, философия, история и пр.), что определяет личный вклад О.С. Шуруповой в дальнейшее развитие лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, лингвистики текста, филологического анализа текста, стилистики, а также такого нового и перспективного направления в науке о языке, как лингвистика сверткеста.

При общем благоприятном впечатлении, которое производит работа, нельзя не отметить некоторые аспекты исследования, требующие, на наш взгляд, разъяснения и уточнения.

1. Хотелось бы, чтобы автор уточнил, существуют ли строго определенные критерии для отнесения того или иного текста того или иного автора к постулируемому сверткесту? Необходимо ли ограничивать хронологические рамки (так, многие тексты 18 века не попали в исследуемый в работе «Петербургский сверткест»? Включать ли художественно-публицистические произведения (т.е. есть ли ограничения на жанровую принадлежность)? Включать ли произведения живописи, музыки, оперы и балета, кинематографа? Насколько можно верифицировать заявленный критерий «модальной общности» текстов,

и нет ли при его определении некоторой субъективности (так, например, относится ли культовый текст Вен. Ерофеева «Москва — Петушки» к Московскому сверхтексту или нет)?

2. Отмечая очевидную научную валидность самой идеи отбора «культурных маркеров» сверхтекста — ключевых концептов, репрезентирующих образ того или иного города в культуре, все же мы полагаем, что те или иные решения автора по определению состава концептов для концептограмм нуждаются к каком-то более строгом обосновании. Например, очень многие концепты «кочуют» из одного сверхтекста в другой (*молодой человек, старушка*, наименования времен года); далее, например, в Петербургский сверхтекст ожидаемо попадает *Медный всадник*, а для Московского сверхтекста почему-то не нашлось ни одного подобного сверхзначимого культурного образа, хотя, на наш взгляд, ряд памятников и / или культурных районов Москвы играют в Московском сверхтексте не меньшую роль.

3. Как нам кажется, не вполне логичны и обоснованны некоторые композиционные решения автора. Например, в главе 4 в качестве отдельного раздела выделяется параграф «Ташкентский сверхтекст» (непонятно, почему Киевский сверхтекст попадает в разряд «столичных», а Ташкентский — в отдельный кластер), тогда как, например, интересный материал по Венецианскому сверхтексту почему-то не заслужил отдельного названия, а приводится в разделе под излишне обобщенным названием «Концептосферы сверхтекстов отечественной художественной литературы, связанных с европейскими городами» (тогда как про другие города, кроме Венеции, в этом разделе говорится очень мало).

4. Представляется не вполне удачным название второй главы исследования: в соответствии с содержанием главы более корректным было бы определение лингвистики сверхтекста как нового направления в отечественном языкознании.

Вышеперечисленные вопросы и замечания вызваны исключительно интересом к проблематике настоящего диссертационного исследования и не затрагивают его концептуального содержания.

Диссертационное исследование, выполненное О.С. Шуруповой, представляет собой глубокое, основательное и самостоятельное исследование. Внушительность выводов, полученных в ходе исследования, несомненная теоретическая значимость предложенной автором «лингвистики сверхтекста», убедительность интерпретации репрезентативного корпуса текстовых примеров, а также очевидность практической значимости исследования дают основание считать, что все положения, выдвинутые на защиту, получили содержательное раскрытие в тексте диссертации. В работе решается крупная научная задача, имеющая существенное значение для современной лингвистики.

Основное содержание диссертации в полной мере отражено в 3 монографиях, в 19 статьях, включенных в перечень журналов ВАК, в 51 публикации в других изданиях, прошло серьезную апробацию на международных, всероссийских и региональных научных конференциях и научных семинарах в Москве (2012, 2013), Санкт-Петербурге (2013, 2015, 2016), Арзамасе (2014), Брянске (2013), Владимире (2011), Ельце (2011, 2015), Казани (2013), Липецке (2012 —

2016), Махачкале (2014), Мурманске (2014), Нижнем Новгороде (2015), Пензе (2014), Пушкине (2013, 2014, 2016), Ростове-на-Дону (2012, 2015), Саранске (2014), Челябинске (2013), Череповце (2014). Полученные О.С. Шуруповой научные результаты в целом соответствуют паспорту заявленной специальности.

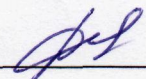
Диссертация О.С. Шуруповой «Концептосфера городских сверткестов русской литературы (лингвокультурологический аспект)», представленная на соискание ученой степени доктора филологических наук, имеет существенное значение для антропоцентрического направления в русистике, для теории и практики лингвокультурологии и соответствует критериям, установленным пп. 9-14 Положения о порядке присуждения ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, а её автор, Шурупова Ольга Сергеевна, заслуживает искомой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык.

Отзыв составлен доктором филологических наук, профессором кафедры современного русского языка и общего языкознания Тимуром Беньюминовичем Радбилем (специальность 10.02.01 — русский язык).

Отзыв обсужден и утвержден на заседании кафедры современного русского языка и общего языкознания Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского 03 июля 2017 года, протокол заседания № 9. Решение принято единогласно.

Зав. кафедрой современного русского языка
и общего языкознания,
доктор филологических наук, профессор,
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет»
им. Н.И. Лобачевского,
603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23,
8(831)4623090,
e-mail: unn@unn.ru

« 05 » 07 2017 г.

 Л.В. Рацбургская

